

Еще ближе к темам современности!

Присуждение Сталинских премий за выдающиеся произведения советской литературы, созданные в 1947 году, знаменует собой новый поворот литературы в нашей стране. Этот поворот выражается не только в том, что ныне «народного призвания» удостоено большее количество произведений, чем в предыдущие годы, но и в том, что большинство книг новых лауреатов Сталинских премий посвящено теме современности, подвигам советских людей, нашей жизни, полной героизма.

Поворот советских писателей к социалистической действительности, активное вторжение литераторов в жизнь, приближение к запросам и требованиям народа — все это явления глубоко закономерные и весьма знаменательные. Здесь с огромной силой сказывается вдохновляющее и направляющее влияние партии, которая неустанно проявляет заботу о росте и развитии советской литературы. Исторические решения Центрального Комитета ВКП(б) по идеологическим вопросам указали писателям прямой и ясный путь творчества, высококачественного, подлинно партийного, овеянного боевым духом современности.

Советские писатели ответили на призыв партии рядом произведений, которые потому и популярны народом, что в них затронуты важнейшие проблемы, волнующие миллионы читателей.

Минувшая Великая Отечественная война, грандиозный опыт героических и суровых лет борьбы с фашистскими захватчиками, естественно, продолжает привлекать внимание писателей. Образы пламенных патриотов социалистического общества, защищавших на поле битвы свободу и счастье народа, предстают на страницах лучших произведений нашей литературы. Рядом с ними вырастают образы героев, вкладывающих все свои силы, всю свою беззаветную страсть, весь боевой опыт в дело мирного созидания, в строительство коммунизма.

Черная тема и материал в тусклой советской жизни, сближаясь с народом, писатель поднимается на новую ступень своего развития, он неизменно вырастает как художник, как инженер человеческих душ. Зорко осматриваясь в те новые черты, которые воспитаны в наших людях партией Ленина — Сталина, выкованы нашим социалистическим строем, обобщая эти черты в своих произведениях, писатель активно участвует в благородном деле коммунистического воспитания масс.

Жизнь нашей страны столь богата событиями и подвигами, что писателю необходимо расширять горизонты, раскрываясь перед художником при первом же соприкосновении с современностью. Обилие и многообразие тем и проблем, возникающих на материале сегодняшнего дня, — неисчерпаемо.

Это многообразие и богатство ярко выражено в книгах лауреатов Сталинских премий. Посвященные современности, эти книги объединены стремлением авторов правдиво запечатлеть великую животворную силу коммунизма, преобразующего и лицо и человеческие души. В каждой из этих книг перед нами раскрываются все новые и новые грани нашей действительности, все новые и новые черты характеров.

Солдаты из романа Бубеннова, свято верящие в победу, несмотря на трудности

первых месяцев войны, и солдаты из романа Гончара, победоносно переступившие рубеж родной земли, идущие на помощь другим народам, озарены светом идей. Моральные величия их изображаются в разных условиях, раскрывают перед нами разные стороны одного и того же могучего советского характера.

Творческая индивидуальность каждого из авторов придает их героям неповторимые и своеобразные оттенки. Вчерашние фронтовики, вернувшиеся к созидательному труду на колхозных полях и на лесах послевоенной пятилетки, — Боря Широков, герой поэмы А. Недогонова, подполковник Воропаев («Счастье»), капитан Пантелеев, ставший пропагандистом района («В одном населенном пункте» Б. Галина), — все это братья по духу, люди, не боящиеся трудностей, называющие счастье не в отдаленном будущем, а в настоящем, в продолжении борьбы на фронтах труда. В их вышедшей жизни мы углубляем дальнейшую судьбу Андрея Лопухова («Белая береза») и Хомы Хаецкого («Знаменосцы»).

Разведчики Казакевича и производственники Пановой, животноводы Андреева и партийные работники, герои пьесы Софронова, ученые из пьесы Ромашова и колхозники, герои поэмы Грибачева — люди коммунистической закалки, в деятельности которых выражен дух современности, творческая активность, присущая нашей советской действительности, пламенный советский патриотизм.

На страницах книг, увенчанных лаврами всенародного признания, встречаются замечательные образы современников.

Коммунист — подлинный герой нашего времени. И нет более сложной и в то же время более благородной задачи для художника, чем запечатлеть в глубоко запечатлеть черты, присущие коммунисту, показать его вдохновляющее и организующее влияние на окружающих, на ход событий, показать всепоглощающую правоту идей, которые он защищает.

Вспомним, как тапается лед в большевистской партии; вспомним, как правильно показано большевистское руководство подпольем в книге Козлова, и мы поймем, какие удачные художники, которые вносят в историю и в историю культуры, к этому образу.

Некоторые из произведений, удостоенных высшей награды, обладают отдельными достоинствами. Но уже само обращение к важнейшим проблемам нашей действительности, острая и смелая постановка вопросов, активное вмешательство художника в жизнь обуславливают успех этих книг. Большевистская, глубоко принципиальная оценка литературного творчества, выразившаяся в присуждении Сталинских премий, невольно совпадает с той оценкой, которую дал выдающийся произведений 1947 года советский народ. Ближе всего широкому многомиллионному читателю дознание, в котором выражены мысли и чувства простых людей, в котором запечатлены нынешние подвиги наших героев.

Успехи, достигнутые советской литературой в 1947 году в освоении современной темы, — это лишь первые шаги на пути к созданию произведений, достойно, во всей полноте отражающих сегодняшний день народа, идущего во главе человечества.

Еще более углубленная работа над современной темой, еще более активное вторжение в жизнь, еще более тесное сближение с героями современности — вот чем должны ответить писатели на сталинскую заботу о советской литературе!

Солдаты из романа Бубеннова, свято верящие в победу, несмотря на трудности

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 28 (2411)

Среда, 7 апреля 1948 г.

Цена 40 коп.

Владимир ФОМЕНКО

Одна строчка

Три недели колхоз «Красный Аксай» готовил письмо товарищу Сталину. Поезд составлял обязательства по урожаю хлеба, фермы — по молоку и шерсти, кузины — по готовности инвентаря. Все шло хозяйственным размеренным ходом, пока не случилась история с трактором.

В обед трактористка Лужеря Стехана везла сыну милое око дедушки Рыжова. Выбирала место посуше, а, может, заезжавшая, она задела близко к обрывистому краю дороги, трактор соскользнул и ударился о закопанный над кустом каменный стои.

Вечером несколько казаков, уже не работавших по старости, явились в правление и потребовали, чтобы прежде, чем они распустились под писком, их допустили осматривать все хозяйство. Видно, обеспокоила их авария перед хатой дедушки Рыжова.

С утра старики начали осматривать хозяйство. Сверху с тем, что занисано в обязательствах, они поехали задерживались на чабаре, и мастерской и огороде; отщипывая от ветки, давали в заскорузлых пальцах абрикосовую почку, спрашивали у садовника, где он разложил костры на случай, когда сады зацветут и вдруг ударит мороз. Старик прищипывал осматривая полевое зерно, измерял рулеткой денчик для купания на конюшне жеребца.

В десяти часов второго дня хозяйство оказалось осмотренным. Прямо из сеней родильного помещения молочной фермы комиссия направилась к машине. Под мотором солнце распыляло в луже разлучные круги бензина.

Через минуту, разбрасывая колесами грязь и вырывая дуги, машина завалила по залитой водой ступеньке.

Закутанная в кожаный плащ бабка Лобушкая сидела на соломе и, когда машина подкатила, толкала то о Рыжова, то о Занкина.

Прокофий Васильевич Рыжов, восьмипятилетний казак с крупным в синих прожженных носом, был выбит — на скамье и подбодило свежие порезы. Поблизости Рыжов теснился болезненный Занкин. Несмотря на весну, Занкин поверх поднятого воротника обмотал себя шарфом.

Правнися мы к Федотовой, — через сына наклонился к старикам, сказала Лобушкая. — И считай я, что у нее дело неладное...

— Чем, Косовопена, у Федотихи неладное?

— А как же ладно? Занисала ова, шутка сказать, 200 пудов! Это на языке легкого: раз, и повернул, чтоб перед друтиными колхозами выфрантисья. Другие могут и по 400, у них земли больше. А как у Федотихи земля? Плает чернозем, а с исподу глина. Скажи, зачем люди до утра свет жгут, пишут письмо Сталину? Чтб в газете отпечатать и раздаться? Нет! Чтб то, что занисано, государство плавовало, как врозь уже ссыпанный хлеб! Оно и Федотуху так заплаулет — 200 пудов с гектара, а я в ее земле чуть сомневаюсь. На до сейчас думать, а будет письмо пушено — с Москвы не вернешь...

Рыжов положил ладонь на рукав Лобушки:

— Я от этих думок, соседка, ночь ворочалась...

— Одна ты? — усмехнулся Занкин. Машина давно вышла за станицу. Далеко на юге — признак разгулявшейся погоды — еле приметно обозначился Кавказский хребет. Медькала папины. В низинах встречались еще острова снега.

Машина остановилась около выкрашенного в синий краску вагончика. На прощальном кукурузном поле девушки жгли корневца.

— Принимайте гостей! — вылезла из кабинки, крикнула шофер. Девчата, на хоту отряхивая юбки, подхлели к машине.

— Зарастуйте, — сказала Лобушкая. — Приехали мы побеседовать об наших обязательствах, — она огляделась по сторонам. — Где хозяйка?

Высокая дивчина, держа в губах шпильку, вылазилала на затылке косы. Она вынула шпильку из губ и сказала: — Федотова подалась за золой. А чего говорить насчет обязательств? Девушки пересмеивались и, довольные минутой отхода, тыкали друг дружку.

В душе Рыжова пеньюльнулась обиды, он потер выбитый утром подбородок и официально сказал: — Мы, товарищи, приехали проверить озимую, об которой вы составляете письмо. Озимь начиналась справа от кукурузы.

3 апреля в центральных газетах было напечатано письмо колхозников Красноводского края к товарищу Сталину. В этом письме содержится обязательство звать т. Федотовой (колхоз «Красный Аксай» Курганского района): получить по 120 пудов на 120 гектарах, а на 18 гектарах — по 210 пудов.

Мы публикуем очерк писателя Владимира Фоменко, вышедшего по поручению редакции «Литературной газеты» на Кубань и находившегося в дни составления исторического документа в колхозе «Красный Аксай».

— И неправда. Ничего не звать! — возразила Мама. — Насильно хитить вое-как, одному кусту совсем не достанется, а другой перестет — заболест.

На шоссе загудел мотор, со стороны станицы шла машина. Порывавшись с людьми, она не остановилась и завернула к сипицу нагончику.

— Инвентарь привезли, — сказала Мама.

— Не рано ли?

— Нет. Земля просохнет, час пропустит, равно полцентнера потеряешь.

— Вы все свои заботы на центрер мери-те?

— Ну да. Рассчитали, что всего с озимой получим по 200 пудов, а вчера достали хитин, потому еще 10 добавили.

— Сухай, хозяйка, ты вот что скажи, — наклонился к Маме Занкин. — Как считаешь, по совести, — все у нас хорошо на поле?

Мама забеспокоилась, отчего на ее лице, на седловинке вздернутого носа, резко проступили веснушки.

— Поищите, это от нас не зависит... Может, что-то можно придумать — не знаю: только всеходы сейчас очень трудны. Они после зимы едва оживили, им бы сейчас самое кушать, брать силу, но питание, что лежит в земле — разные там палочки, листики, для них еще не годятся: его раньше багряни должны обработать, а багряни не поспевали еще в холзодной земле. Вот всходы и голодают... А ведь в них — мы на курсах в микроскоп смогали — уже сейчас все позаложило: и маленький колос, и колоски, и цветки — весь урожай. Сейчас бы им подкормки па-сылать, а как? Видите, земля жадная: ступишь — все затопчешь.

— Да, затопчешь... А, говоривше, заложил уже колосок?

— Заложил.

— Значит, он, как дитя в люльке, лежит между листиками... Занкин поскреб бороду, оглядываясь уходящие в горизонт ряды озими. — Лежит спеленутый и не чуует, что хлебороб коплет вокруг, может, не сит — думает об нем...

Мама не дослушала: — Да, да. Правильно! Ранняя вегетация для растений болезненная — это всегда. Но как помолот то, что всегда? Как по этой жайке пройти?

— Трудно, — вздохнул Рыжов. — Бак думаете, старики? Вали на шоссе показались «ЗНС». Над кабуной маячила человеческая фигура. Машина приближалась, было видно, как на промоях дороги из-под тяжелых скатов брызнула грязь.

— Федотова едет, — сказала Мама. Порывавшись с полем, «ЗНС» остановилась. Лена Федотова, краснощекая, с высоким вальком мыных волос, выпрыгнула из машины.

— Гляньте-ка, золу мы привезли — сухая, как летом! — сказала она девушке. — Ну, как окаяма, старики?

— И что тебе, дочка, объяснять? — сказала Лобушкая. — Вы тут все сами агитируете. Шипенца бурная — это вы знаете, значит, почну ветреть на до.

— Ой, бабушка, и не говорите... Озимке бы сейчас богатое питание. А тут вот по полю не пройдем.

— Подожли. Федотиха, не пекоти, — обормал Рыжов. — Кажись, пройдем.

Наступив одним сапогом, он отодрал с другого вагончика катух грязи и стал осматривать высокое, с легкой дымкой по краям небо.

— Морозец будет, — сказали старики. — Не так, чтоб крепкий, но по озимой алегко пройдет.

— Не ошибаетесь, Прокофий Васильевич? — спросила Лена.

— Нет. Чувств, в ветерке сушит? Действительно, едва узловые признаки мороза уже трогали степь... Черный, сочный чернозем еще не потускел, но грешки комьев словно потеряли свою маслянистость...

Через несколько минут машина пошла в станицу, а вечером старики явились в правление подписывать письмо товарищу Сталину.

В письме говорилось о скоте, о садах, пчелах, о строительстве и о полях. По так как на Кубани тысячи колхозов и в каждом — сотни лет, о которых хочется рассказать товарищу Сталину, — все вместили не удалось и, например, от колхоза «Красный Аксай» в письмо вошла лишь одна строчка о зяне Федотовой.

Станица Михайловская.

Праздник советской литературы

В Центральном доме литераторов состоялся митинг, посвященный присуждению Советом Министров Союза ССР Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и кинематографии.

За столом президиума — литераторы, удостоенные звания лауреата: прозаики Б. Костылев и В. Авдеев, литературовед Б. Мейлах, драматурги Б. Ромашов, Н. Вирта, А. Софронов, автор художественных очерков Б. Галин, автор научно-художественных произведений Н. Михайлов, кинодраматурги М. Блейман, Е. Помешиков, Н. Рожков, К. Исаев, И. Макарянский, Б. Агапов, М. Смирнова.

К. Симонов, поздравляя лауреатов от имени президиума ЦСЛП, говорил о серьезных успехах, достигнутых советской литературой во всех жанрах. Радостно, что среди товарищей, удостоенных Сталинских премий, много новых писателей. Многие сделали, но еще больше предстоит сделать. Литераторы страны Советов отдадут весь свой талант, чтобы оправдать доверие партии и правительства.

В. Костылев вкратце рассказал о довоенных годах, когда честного литератора ждала «награда» за труд — тюрьма и высылка. Только советская власть создала все условия для неограниченного расцвета литературы и искусства.

— Я один из старых советских драматургов, — говорил Б. Ромашов. — Но старости своей не ощущаю. Где, в какой стране писатель может испытывать столь радостные и счастливые чувства? Большая честь работать для советского народа, для советского театра. Сегодняшний день обязывает ко многому, он является призывом ко всей нашей драматургии — трудиться лучше, трудиться больше, воспитывать новую смену.

— Я получал Сталинскую премию в тяжелый 1947 год, — вспоминал С. Воронин. — Вместе с наия награду получали авиаконструктор Яковлев, строители советских танков и самолетов. Мы, литераторы, чувствовали, что наш труд влет на вооружение страны. Будем же писать так, чтобы каждая книга, пьеса, картина помогли народу бороться за новые светлые горизонты.

Б. Мейлах отметил, что литературоведение теперь интересуется самыми широкими кругами читателей. Народ предвещает свой счет и нам, теоретикам. Отвечать на этот счет произведениями, достойными народа, думать о народе, жить для него, — к этому обязывают высокие награды, полученные сегодня.

— Награждение меня, как озерника, — сказал Б. Галин, — лишний раз подчеркивает, какое широкое поле деятельности открывается перед каждым из нас. А. М. Горький любил это жанр, он посылал людей изучать страну, писать о ней, толкал нас ити на перелый край жизни. Сталинская забота заставляет нас лишний раз задуматься: все ли ты делаешь в своем служении народу?

— Мы — солдаты одного из отрядов советской литературы, — говорили сиперники М. Блейман и М. Смирнова, — и обязаны яростно бороться с тлетворным влиянием буржуазного искусства, учить людей правде жизни, правде партии Ленина — Сталина.

— Моя работа не роман, не драма, не поэма, не сценарий, даже не очерк, — сказал Н. Михайлов. — В новом жарке научно-художественной литературы у нас пока работают немногие. Наш жанр только еще нарождается, но он будет создан!

— Один из первых поздравительных телеграмм, полученных мною, — сказала А. Софрония, — была телеграммой от коллектива Рустельманов, где в юности я работал слесарем. Мне пишут, что рады успеху своего бывшего воспитанника. Чувство ответственности перед своим за-водом, перед страной испытывает каждый из нас. Мы, писатели страны, строим коммунизм, вооружаем историческими постановками ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, сделаем все, чтобы оправдать доверие, которым окружают нас народ, партия, товарищ Сталин.

С огромным воодушевлением писатели обратились к приветствию к вождю народов, лучшему другу советской литературы — товарищу Сталину.

ЮБИЛЕЙ ДЕТСКОГО ТЕАТРА

20 лет назад на одной из окраин Москвы появился пестрый фургон. Стенки фургона опустелись, и началось веселое представление. Так родился Московский театр юного зрителя, отмечавший скоро свой двадцатилетний юбилей. В небольших пьесках, которые показывал театр маленьким зрителям, разжигал по дворам, рассказывалось школе, о взаимоотношениях детей и родителей, о пионерской организации.

В 1933 году в театр, который перешел к этому времени на стационарную работу, являлась группа детских писателей — А. Бруштейн, Л. Кассиль, Р. Фраерман, Н. Шестаков.

За 20 лет МТЮЗ показал много спектаклей советских драматургов.

Над репертуаром театр работает при постоянном и непосредственном участии своего зрителя. Принятые к постановке пьесы читаются в школах, ребята корректируют и новые постановки, вынося поправки и предложения.

В этом году театр вновь воскрешает свою былую традицию — бригада актеров со специальными программами будет выезжать в районные клубы и во дворы Москвы.

Первый съезд писателей МНР

УЛАН-БАТОР. (По телеграфу). В течение трех дней здесь происходил первый хурал (съезд) писателей Монгольской Народной Республики. В работах съезда приняло участие 70 писателей, сказителей, устеров — те, кто собирает гениальные творения народа и несет в массы слова мудрой правды.

На открытии съезда присутствовали премьер-министр МНР маршал Чойбалсан, генеральный секретарь ЦК МНРП (Монгольская народно-революционная партия) Цеденбал, члены правительства, посланник СССР в МНР тов. Вагичев и многочисленные гости.

Первый хурал заслушал доклад о работе оргкомитета Союза писателей МНР и наметил дальнейшие пути развития молодой монгольской литературы. В разгнорутном решении, принятом съездом, говорится о задачах, стоящих перед монгольскими писателями, и подчеркивается необходимость еще более плодотворного и тесного сотрудничества с писателями Советского Союза. Съезд избрал правление Союза писателей Монгольской Народной Республики во главе с членом Комитета наук МНР писателем Нацодоржи.

В ответ на приветствие Союза советских писателей СССР, оглашенное на съезде, президиум первого хурала послал приветственную телеграмму, в которой говорится: «Первым учителем и наставником наших молодых литераторов был великий писа-

тель, пламенный и неутомимый батор советской литературы, родоначальник социалистического реализма Максим Горький. В своем письме к монгольскому интеллигенции, написанном в 1925 году, он, с присущей ему страстью и мудростью, с удальным ироничным историческим судьям нашего народа, подкалал нам слова о великом назначении литературы и о той роли, какую она может сыграть в пробуждении и раскрытии творческих сил народа, в воспитании активных, деятельных борцов за народное счастье. Мы старались ити по пути, указанному великим Горьким. Мы старались познать русский язык, и он стал для нас ключом к сокровищам великой русской литературы. Через нее доходил до нас голос правды, голос совести человечества, голос, зовавший вперед, к светлему будущему, с такой силой звучащий в произведениях русских классиков и советских писателей. В бескрайних степях Монголии, подобно солнцу, засияли имена М. Горького, А. Толстого, Д. Фурманова, В. Маяковского, Н. Островского, их произведения стали близкими и дорогими сердцу монгола...

...Пусть же растет и процветает, подобно месяцу полнолунию и цветущей благодатной асиль, великая советская литература, зовущая к счастливому будущему, к коммунизму.

Пусть растет и крепнет наша братская дружба.

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

В. Ф. Авдеев

Т. М. Керашев

В. К. Кетлинская

Н. А. Козлов

И. И. Ликтанов

Н. Н. Михайлов

НОВОЕ ПОБЕЖДАЕТ

ВЕЛИЧИЕ ВРЕМЕНИ

СИЛА ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ

Б. Н. Агапов

Е. М. Помещиков

М. Н. Смирнова

Ю. П. Герман

Н. В. Рожков

И. Н. Бачелис

После окончания спектакля бархатный шпур задержал в фойе часть зрителей. Остановившись у мраморной лестницы, люди продолжали оживленный спор о только что показанной пьесе.

— А вы полагаете, батенька мой, у нас в институте такого не наблюдается? — густо гудел, по-волжски напирая на «о», грузный седой человек с необыкновенно живо поблескивающими молодыми глазами. — И Маягин есть, и Медвинер, батенька мой, имеется. И вот уже гис, извольте ли знать, они у меня сидят... Внезапно разъярившись, он похлопал себя крупной рукой по затылку.

Внезапно разъярившись, он похлопал себя крупной рукой по затылку.

— А что-то, скрытый толпою, обратился к девушке, одетой в военную гимнастерку со следами недавних спорных потов: — Гипербола? Да какая же это гипербола? Послушайте-ка разговор диссертантов в куртке Ленинской библиотеки. Иной только и шепчет: «Джонс...», «Джонс...», «Иоганнес...». Этких авторитетов и у них на родине ни во что не ставят, а для нашего заучившегося пизжона, что и вылетает этких Джонс со своего неместа, то и оказывается непревзойденной истиной. Нет, нет, это не гипербола, об этом давно думать пора...

— «Просквозило...» — повторил позан женский голос реплику на только что введенный пьесы. — Вот верно сказано. «До сих пор простуженный ходит...»

Спектакль шел в Малом театре. Пьеса, которая вызвала такую оживленную реакцию зрителей, называлась «Великая сила».

Б. Ромашов написал эту пьесу вскоре после войны. Он долго, кропотливо работал над ней, и от варианта к варианту большая правда жизни вытесняла из пьесы мелкие личные конфликты и вводила на их место спор идей, спор прогресса с косностью.

В пьесе решались кардинальные проблемы, волнующие советскую интеллигенцию, и она остро захватывала зрителей.

Положение нашей науки за последние два десятилетия достигло небывалых высот. Возможности, открытые в нашей стране перед ученым, работающим во имя человеческого блага, поистине безграничны. И тем важнее как можно быстрее освободить научную среду от всяких пережитков капиталистического прошлого.

Основной конфликт пьесы воплощен в

споре двух главных действующих лиц — профессора Лаврова и профессора Маягина. Они не только сослуживцы по научно-исследовательскому институту. Они связаны многолетней дружбой, общей судьбой. Советская власть для обоих открыла возможности широкого творческого научного труда. Без этого оба не смогли бы прийти к науке. К тому же Лавров и Маягин — сверстники. В смысле действующих лиц автор обозначает след за обоими именами — «48 лет».

И все же, это совершенно разные люди. Павел Степанович Лавров — полноватый советский ученый, в чистейшем смысле слова. Он — человек государственного и притом социалистического мышления. А Трофим Игнатьевич Маягин заражен многими вредоносными бактериями, оставшимися от старой, буржуазной науки. Одна из таких бактерий поселилась в нем рабское угодничество перед всем «заграничным». Другое — развращающий его затаенный эгоизм, поставленный на чуждые заботы об общем благо, алчный самокормление, стремление к маленькому домашнему благополучию...

Два этих образа выражают два противоположных, непримиримых взгляда на самое существо советской науки, на ее цели.

Дом Лавровых пронизан свежим ветром жизни, для которого равно гостеприимно открыты и окна комнат, и сердца людей. Этот ветер жизни привнес Лавров в его работу. Он окунул в живое дело молодого Виктора Лаврова и разжег огонь творческого стремления в душе дочери профессора — Любы Лавровой.

Она маягинской дачи была открыта навстречу новому ветру, идущему от заката, в гнилых, заросших болот.

В конфликте передовой, неустанно идущей, подчиненной великим задачам человеческого блага советской науки с пугайкой буржуазной, косной, извращенной, — одерживает победу передовая, творческая советская мысль.

Об этом и написал свою яркую, страстную пьесу Б. Ромашов.

Она завоевала признание и благодарность многих тысяч зрителей, и благодарность эта выражена в высшей награде писателя — в Сталинской премии, присужденной драматургу.

Владимир Сосюра — один из зачинателей советской украинской поэзии. Песня Сосюры родилась на фронтах гражданской войны. Уроженец Донбасса, сын шахтера, с детских лет работавший в шахте, Владимир Сосюра юншей вступил в ряды Красной Армии.

Поселок над Донцом, где виснет дым завода. И музыка в саду, и поезд в семь часов... Как не забыть мне ввек родную Третью роту. Так не забыть мне ввек под бег седых годов.

Зима. На фронт, на фронт!.. А прощай-ка много. И пейте «Чумака», теплушки и перрон... И с нами молодость, и радость, и тревога...

Борьба связала нас, собрав со всех сторон.

Так вспоминает Сосюра свое поэтическое рождение. Одним из первых обратил внимание на молодого поэта Эдуард Багрицкий; он с похвалой отметил революционную лирику Сосюры «Красная книга». За «Красной зимой» последовали новые сборники, и Владимир Сосюра вскоре по праву занял одно из первых мест в украинской советской поэзии.

Первые годы сталинских пятилеток Сосюра приветствовал поэмой о Днепрострое. Он создавал живые образы строителей социализма в таких стихах, как «Криновое», «Учительница», «Рабфаковка». В эти же годы поэт написал стихотворение о Сталине:

То имя — как трубы призывный звук, В борьбе за свет всегда ты перед нами. Тебя до звезд занесли миллионы рук, Чтоб ты сиял, как знамя над аквами.

В годы Великой Отечественной войны В. Сосюра создал много боевых патристических стихов и поэм, которые в разгар битвы за освобождение Харькова, Полтавы, Киева печатались во фронтовых газетах.

Стихи поэта, обращенные к землякам, не смирившимся под пятой оккупантов, переплетались и тайно распространялись украинскими партизанами.

Послевоенные стихи В. Сосюры собраны в его недавно вышедшей книге — «Чтоб сады шумели». Проникновенная и задумчивая книга эта звучит, как радостная симфония победы, завоеванной народом, как симфония счастья, защищенного от врага. Она воспринимается так, точно автор все эти стихи произнес одним дыханием. И хотя в книге собраны стихотворения на разные темы, но ее стройность, ее возвышенная личность определяются лейтмотивом — любовью к Родине.

Поэт приветствует свою расцветавшую Родину, залечивающую раны войны:

Украино моя, срібний сніг солов'я, Шум заводів, моя Україно!

Ой сад поєсені, має зорі ясні, Розквітає моя Україно.

Поэма «Огненные дороги» повествует о войне, прошедшей все огненные дороги войны — от Сталинграда до Берлина и с победой вернувшейся в родную донецкую шахту, где уже откатали вогу и снова стали добывать уголь. С полем сражений человек вернулся строить свое счастье и счастье своего народа.

Иной раз поэту нужна самая небольшая деталь, чтобы осветить целую картину; и белое вышитое полотенце в руках фронтовика, и шум возрожденной шахты — все отражает силу и радость восстановленной жизни.

Для стихов В. Сосюры характерно проникновенное ощущение исторического величия времени, нашей сталинской эпохи. Стихи об украинском народе перерастают в стихи о народах всего Советского Союза, о радости всеобщего вдохновенного, созидательного труда.

«Для тебя, мой народ, играю я на струнах моей души», — говорит Сосюра в одном из лирических произведений, мечтает о том.

Щоб пісні мої стали достойні Золотого народу мого.

От души написанные патристические стихи, песни В. Сосюры достойны его золотого народа.

Буржуазные литературоведы, любители, по выражению Ленина, «пустых казенно-либеральных, избито-профессорских фраз», немало потрудились над тем, чтобы отравить историю нашей отечественной литературы от общественной жизни и борьбы. «Отвлеченные внимания от... конкретные историко-экономические и политические вопросы» — вот, по словам Ленина, характерная черта либерально-литературоведов всех мастей.

Против подобного буржуазно-либерального подхода к литературе направлена вся книга Б. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв.» — от первой до последней страницы.

«Ленин», — пишет исследователь, — «разрешая в своих работах многие из тех вопросов, которые выдвигались и в классической художественной литературе».

Б. Мейлах тщательно и глубоко прослеживает, как отразились в творчестве писателя социальные вопросы, вопросы социальной жизни, жестокие предгрозовые дышавшие приближающейся революцией на всей идейно-философской и литературной борьбе 90-х—900-х годов. Автор живо воссоздает борьбу Ленина с народниками. Он показывает полную противоположность подхода к действительности народников, которые прямо смотрели в глаза правде жизни, трезво изучали законы развития капитализма в России, упорно готовили народные массы к революционному штурму, к народничеству, «борьбистам» и капитализму истерическим заклинаниями, марксовскими лементами и призывами писателей «спервооспитывать» дулаков и буржуазных хитрючков.

Б. Мейлах раскрывает далее отражение этого исторического спора в литературе того времени — в произведениях Глеба Успенского, Берсая, Барона, Златовратского и др. При этом автор показывает, как народники презирали обилие вопросов, выдвигаемых эпохой, в творчестве различных писателей. Тем самым он опровергает и не нажитое до сих пор у некоторых ученых представление о литературе, как о едином национальном потоке.

Глава «Статьи Ленина о Толстом» — лучшая в книге. Б. Мейлах глубоко раскрывает гениальные ленинские мысли о критических противоречиях Толстого. Итересны сопоставления ленинской концепции со взглядами на Толстого и на русскую литературу Чернышевского. Новые — по привычке историко-литературному материалу — содержательные комментарии дает автор к знаменитой статье Ленина «Партийная организация и партийная литература». Анализируя ту или иную работу, высказывание Ленина о литературе, Б. Мейлах стремится к общению, намечает основные принципы подхода Ленина к литературе. Вместе с автором книги мы вновь перечитываем страницы знаменитых работ, слушаем «набатный ленинский язык», аплин, как Ленин последовательно раскрывается со всеми, кто пытался исканить, оклеветать русскую литературу, использовать ее для борьбы против революции.

Невольно вспоминаются слова И. В. Сталина о «горюем орле, не знающем страха в борьбе», о непримиримой ленинской критике противников партии и революции, о его простом и ясном, сжатом и смелом стиле, — «когда каждая фраза не говорит, а стреляет».

Читая книгу Б. Мейлаха, мы видим, как последовательно проводил Ленин принцип партийности, бдительности в анализе литературных явлений.

«Раз человек партии пришел к убеждению в глубочайшей несправедливости и вражде известной пропаганды, то он обязан выступить против нее», — писал Ленин Горькому.

Когда Горький выступил против враждебной реакционной популяризации «Восвоя» Ф. Достоевского, Ленин выразил ему в письме свое одобрение.

В то же время Ленин прямо и четко указывал Горькому на его ошибки, заблуждения, настоятельно укал его революционной непримиримости.

«Балов же тут «спиритизм» может быть, милый А. М.? — отвечал он Горькому, поймавшемуся было слагать

«драку с махистами». — Помните, об этом смешило и закатилось. Вой абсолютно неизбежна».

Замечательной особенностью Ленинской публицистики (и это хорошо показал Б. Мейлах) является его постоянное использование художественной литературы, как идейного оружия в борьбе с врагами. «К тому, что Б. Мейлах говорит об использовании Лениным образов Гребенкова, Гоголя, Некрасова, Шелрина, хочется добавить Чехова, — достаточно вспомнить ленинские слова о «политическом чеховизме в футляре» или о «социально-кратчайшей душе», мелькавшие в «Примечательных «Освобождении» тов. Старовера продолжат в новой «Политике» в грехах, содеянных им (не вернувшись) участием в старой «Искре». Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антропоморфом и говорила: Мы с Ванчиком ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и торговала на лес. Наконец, жила с вестерном и говорила: Мы с Колчаким делаем лошадей. Так и тов. Старовер: «Мы с Лениным» ругали Мартынова. «Мы с Мартыновым» ругали Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в таких-то обязательствах очутишься ты завтра?»

Книга Б. Мейлаха насыщена большим конкретным историко-литературным материалом. Автор стремится идти за Лениным, указывая, что «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (а) исторически, (б) в связи с другими, (с) лишь в связи с конкретным опытом истории».

Есть в книге Б. Мейлаха и немало спорного, а кое-то и просто неверное. В предисловии автор признается, говоря о том, что «ленинская периодизация русской литературы», основанная на истории русской литературы, не в полной мере отвечает важнейшим для всей нашей историко-литературной науки вопросам не освещен.

Возражение вызывает характеристика А. Н. Веселовского, которого автор приводит в качестве примера «бессознательного приближения к историческому материализму».

Недостатком работы является то, что голос исследователя звучит порой сухо и академично. Отрывки из ленинских работ — изумительно яркие, живые, итрающие всем богатством интуиции и отточенности — еще больше подчеркивают это.

Книга Б. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы», бесспорно, является лучшей работой на эту тему. Впервые проблематика ленинских работ, связанных прямо или косвенно с вопросами русской литературы, раскрыта так глубоко и последовательно на конкретном историко-литературном материале.

Эта книга — шаг вперед нашей советской литературной науки, свидетельство ее силы и роста.

СМЕЛОСТЬ ИСКАНИЙ

Т. МОТЫЛЕВА

Награждение Веры Пановой Сталинской премией за «Кружники» — событие радостное и поучительное.

О «Кружниках» немало спорили. Когда книга вызывает желание поспорить, когда о ней намереваясь высказаться не только профессионалы-литераторы, но и читатели, — этот факт сам по себе доказывает, что писателю удалось поднять реальные, жизненные вопросы.

В романе не осталось почти ни одного действующего лица, по поводу которого не были бы высказаны те или иные соображения «за» и «против». О людях, созданных воображением художника, спорили, как о живых. Разве не было это своеобразной формой читательского признания?

В романе нарисован коллектив советских людей. Идет война. Перед лицом тяжелых испытаний простые, рядовые советские люди — разного душевного склада, разных поколений — совместно делают большое, полезное народу дело. И это дело — главное, что есть в их жизни. Таково содержание «Спутника». Таково и содержание «Кружники».

Однако в «Спутнике» эта идея морально-политического единства советского народа была раскрыта на материале, хорошо знакомом и близком автору. В «Кружниках» писательница столкнулась с кругом явлений, несравненно более сложных. Рассказывая о большом заводе, оказалось во много раз труднее, чем о людях санитарного поезда. Но в самой попытке освоить новый, важный жизненный материал проявилось мужество писательницы, ее новаторская смелость.

Уже много говорилось в критических статьях о портретном мастерстве Веры Пановой, о ее психологической наблюдательности, поразительной зоркости в деталях, умении выбрать нужное, точное слово. Все это есть в «Кружниках». Но есть в ней не только это. Роман проникнут любовью к советскому человеку, гордостью за него.

Большинство персонажей «Кружники» по своему общественному положению — те, кто в современном буржуазном мире принято считать «маленькими людьми».

Со страниц западной литературы сыщутся на нас рядовые люди капиталистического мира, отданные во власть страха, подавленные жестокой бесчеловечной подневольностью своего бытия, отравленные ядом реакционных предрассудков. Взгляд на человека, как на беспомощное и от природы своей порочное существо, имеет самое широкое хождение в литературе Запада.

В диалектично-противоположном направлении развивается советская литература. Все более полно, разносторонне, уверенно раскрывает она процесс роста рядовых тружеников — строителей и хозяев социалистической Родины, типичные черты простого советского человека — чувство достоинства и товарищеской солидарности, любовь к труду, деятельное, творческое отношение к жизни.

Особенность В. Пановой в том, что она стремится показать героиню советской жизни, выбирая самые будничные, внешне неэффективные характеры и ситуации. Она хочет показать скромных, рядовых советских тружеников в сложном, противоречивом переплетении разнообразных качеств — и тех, которые приняты советским строем, и тех, что унаследованы от прошлого. Она хочет рассказать о хороших людях, не утративших об их слабостях, о превращениях и осознаниях их жизни.

В «Кружниках» идет речь о людях, которые во многом несовершенны, которые далеко не во всем могут являться примером для подражания. И все же почти каждый из героев романа несет в себе частичку того нового, что воспитано в человеке советским укладом жизни. Мы чувствуем это новое не только в кипучей творческой

энергии Листопада, но и в осознанном трудолюбии семьи Веденева, и в мальчишеском задоре Тольки Рыкова, и в душевной чистоте Саши Ковалевского, и в отзывчивости Анны Ивановны, и в трудовой неутомимости, в широте кругозора старой украинской колхозницы — матери Листопада, и во многом, многом другом... Панова не ставила себе задачи воплотить духовный и моральный идеал советского человека в каком-либо одном образе. Но частицы этого идеала присутствуют во многих ее героях. Каждый из них по-своему свидетельствует о громадном образовательном влиянии, которое оказывает социалистический строй на многие миллионы людей.

Писательница очень осмыслительно обращается с большими словами. Она видит и стремится показать, с каким трудом, какими неслегка путями осуществляется превращение больших слов в большие дела. Она видит дистанцию, которая передерогидает действительное от желаемого. Именно поэтому в состоянии она создавать книги, которые волнуют читателя верностью непосредственных жизненных наблюдений, — создавая образы людей, в которых читатели узнают соседей и знакомых.

Иные критики ставили в вину Пановой, что она вывела в своем романе несколько персонажей, явно отталкивающихся, таких, например, как Удальчик. Эти упреки неосновательны. Разве не встречаются еще в нашей жизни удальчики, которые мешают работать и идти вперед?

Недостаток произведения не в том, что в нем намечены реальные жизненные конфликты, а в том, что конфликты эти порождены искусственно сфабрикованы. Идеалистическая сцена примирения Листопада с Удальчиным; стремительная «перекладка» блатмейстера Мирозова; прощание передовым рабочим Веденева (а заодно и автором) кулака Мартынова, который «отрубил» свои грезы; синхронизация интонации в описании эгоистического, меркантильного поведения Листопада — вот что звучит в повести диссонансом. Писательница наглядно, на ряде примеров показала живучесть буржуазно-индивидуалистических наклонностей в поведении инных советских людей. Именно поэтому читатель вправе был ждать от автора «Кружники» большей несприимости по отношению к пережиткам прошлого, большей последовательности в изображении борьбы нового со старым.

Но все-таки важно видеть, что не эти недостатки — сколь бы значительны они ни были — определяют внутренний пафос и сущность «Кружники». Вера Панова создала увлекательную и честную книгу, которая дышит любовью к советской Родине и во многом удачно воссоздает правду советских будней. «Кружники» не только воспроизводят настоящее, но и устремлены в будущее. Разве не проникнут романтикой будущего заключительный, лирически-возвышенный монолог Листопада?

«...Будет ли день, когда человек скажет: «Я всем доволен, премного благодарен, мне больше ничего не надо? Никогда не будет такого дня. Всегда раскрыта земля для новых семян, и никогда не сняты асса для строителя. А кто произнес такие слова, тот мерз, от него нечего ждать живым».

Эти строки имеют ближайшее отношение к нашей литературе. Читатель — какое бы талантливое произведение он ни прочел — не скажет: «Я всем доволен, мне больше ничего не надо». Советский читатель имеет право на недовольство тем, что достигнуто художником, даже если достигнуто многое. Однако страна наша умеет ценить и награждать талантливого художника не только за бессорную удачу, но и за смелость исканий, за выбор трудного пути.

СИЛА ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ

Буржуазные литературоведы, любители, по выражению Ленина, «пустых казенно-либеральных, избито-профессорских фраз», немало потрудились над тем, чтобы отравить историю нашей отечественной литературы от общественной жизни и борьбы. «Отвлеченные внимания от... конкретные историко-экономические и политические вопросы» — вот, по словам Ленина, характерная черта либерально-литературоведов всех мастей.

Против подобного буржуазно-либерального подхода к литературе направлена вся книга Б. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв.» — от первой до последней страницы.

«Ленин», — пишет исследователь, — «разрешая в своих работах многие из тех вопросов, которые выдвигались и в классической художественной литературе».

Б. Мейлах тщательно и глубоко прослеживает, как отразились в творчестве писателя социальные вопросы, вопросы социальной жизни, жестокие предгрозовые дышавшие приближающейся революцией на всей идейно-философской и литературной борьбе 90-х—900-х годов. Автор живо воссоздает борьбу Ленина с народниками. Он показывает полную противоположность подхода к действительности народников, которые прямо смотрели в глаза правде жизни, трезво изучали законы развития капитализма в России, упорно готовили народные массы к революционному штурму, к народничеству, «борьбистам» и капитализму истерическим заклинаниями, марксовскими лементами и призывами писателей «спервооспитывать» дулаков и буржуазных хитрючков.

Б. Мейлах раскрывает далее отражение этого исторического спора в литературе того времени — в произведениях Глеба Успенского, Берсая, Барона, Златовратского и др. При этом автор показывает, как народники презирали обилие вопросов, выдвигаемых эпохой, в творчестве различных писателей. Тем самым он опровергает и не нажитое до сих пор у некоторых ученых представление о литературе, как о едином национальном потоке.

Глава «Статьи Ленина о Толстом» — лучшая в книге. Б. Мейлах глубоко раскрывает гениальные ленинские мысли о критических противоречиях Толстого. Итересны сопоставления ленинской концепции со взглядами на Толстого и на русскую литературу Чернышевского. Новые — по привычке историко-литературному материалу — содержательные комментарии дает автор к знаменитой статье Ленина «Партийная организация и партийная литература». Анализируя ту или иную работу, высказывание Ленина о литературе, Б. Мейлах стремится к общению, намечает основные принципы подхода Ленина к литературе. Вместе с автором книги мы вновь перечитываем страницы знаменитых работ, слушаем «набатный ленинский язык», аплин, как Ленин последовательно раскрывается со всеми, кто пытался исканить, оклеветать русскую литературу, использовать ее для борьбы против революции.

Невольно вспоминаются слова И. В. Сталина о «горюем орле, не знающем страха в борьбе», о непримиримой ленинской критике противников партии и революции, о его простом и ясном, сжатом и смелом стиле, — «когда каждая фраза не говорит, а стреляет».

Читая книгу Б. Мейлаха, мы видим, как последовательно проводил Ленин принцип партийности, бдительности в анализе литературных явлений.

«Раз человек партии пришел к убеждению в глубочайшей несправедливости и вражде известной пропаганды, то он обязан выступить против нее», — писал Ленин Горькому.

Когда Горький выступил против враждебной реакционной популяризации «Восвоя» Ф. Достоевского, Ленин выразил ему в письме свое одобрение.

В то же время Ленин прямо и четко указывал Горькому на его ошибки, заблуждения, настоятельно укал его революционной непримиримости.

«Балов же тут «спиритизм» может быть, милый А. М.? — отвечал он Горькому, поймавшемуся было слагать

СИЛА ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ

Буржуазные литературоведы, любители, по выражению Ленина, «пустых казенно-либеральных, избито-профессорских фраз», немало потрудились над тем, чтобы отравить историю нашей отечественной литературы от общественной жизни и борьбы. «Отвлеченные внимания от... конкретные историко-экономические и политические вопросы» — вот, по словам Ленина, характерная черта либерально-литературоведов всех мастей.

Против подобного буржуазно-либерального подхода к литературе направлена вся книга Б. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв.» — от первой до последней страницы.

«Ленин», — пишет исследователь, — «разрешая в своих работах многие из тех вопросов, которые выдвигались и в классической художественной литературе».

Б. Мейлах тщательно и глубоко прослеживает, как отразились в творчестве писателя социальные вопросы, вопросы социальной жизни, жестокие предгрозовые дышавшие приближающейся революцией на всей идейно-философской и литературной борьбе 90-х—900-х годов. Автор живо воссоздает борьбу Ленина с народниками. Он показывает полную противоположность подхода к действительности народников, которые прямо смотрели в глаза правде жизни, трезво изучали законы развития капитализма в России, упорно готовили народные массы к революционному штурму, к народничеству, «борьбистам» и капитализму истерическим заклинаниями, марксовскими лементами и призывами писателей «спервооспитывать» дулаков и буржуазных хитрючков.

Б. Мейлах раскрывает далее отражение этого исторического спора в литературе того времени — в произведениях Глеба Успенского, Берсая, Барона, Златовратского и др. При этом автор показывает, как народники презирали обилие вопросов, выдвигаемых эпохой, в творчестве различных писателей. Тем самым он опровергает и не нажитое до сих пор у некоторых ученых представление о литературе, как о едином национальном потоке.

Глава «Статьи Ленина о Толстом» — лучшая в книге. Б. Мейлах глубоко раскрывает гениальные ленинские мысли о критических противоречиях Толстого. Итересны сопоставления ленинской концепции со взглядами на Толстого и на русскую литературу Чернышевского. Новые — по привычке историко-литературному материалу — содержательные комментарии дает автор к знаменитой статье Ленина «Партийная организация и партийная литература». Анализируя ту или иную работу, высказывание Ленина о литературе, Б. Мейлах стремится к общению, намечает основные принципы подхода Ленина к литературе. Вместе с автором книги мы вновь перечитываем страницы знаменитых работ, слушаем «набатный ленинский язык», аплин, как Ленин последовательно раскрывается со всеми, кто пытался исканить, оклеветать русскую литературу, использовать ее для борьбы против революции.

Невольно вспоминаются слова И. В. Сталина о «горюем орле, не знающем страха в борьбе», о непримиримой ленинской критике противников партии и революции, о его простом и ясном, сжатом и смелом стиле, — «когда каждая фраза не говорит, а стреляет».

Читая книгу Б. Мейлаха, мы видим, как последовательно проводил Ленин принцип партийности, бдительности в анализе литературных явлений.

«Раз человек партии пришел к убеждению в глубочайшей несправедливости и вражде известной пропаганды, то он обязан выступить против нее», — писал Ленин Горькому.

Когда Горький выступил против враждебной реакционной популяризации «Восвоя» Ф. Достоевского, Ленин выразил ему в письме свое одобрение.

В то же время Ленин прямо и четко указывал Горькому на его ошибки, заблуждения, настоятельно укал его революционной непримиримости.

«Балов же тут «спиритизм» может быть, милый А. М.? — отвечал он Горькому, поймавшемуся было слагать

СИЛА ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ

Буржуазные литературоведы, любители, по выражению Ленина, «пустых казенно-либеральных, избито-профессорских фраз», немало потрудились над тем, чтобы отравить историю нашей отечественной литературы от общественной жизни и борьбы. «Отвлеченные внимания от... конкретные историко-экономические и политические вопросы» — вот, по словам Ленина, характерная черта либерально-литературоведов всех мастей.

Против подобного буржуазно-либерального подхода к литературе направлена вся книга Б. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв.» — от первой до последней страницы.

«Ленин», — пишет исследователь, — «разрешая в своих работах многие из тех вопросов, которые выдвигались и в классической художественной литературе».

Б. Мейлах тщательно и глубоко прослеживает, как отразились в творчестве писателя социальные вопросы, вопросы социальной жизни, жестокие предгрозовые дышавшие приближающейся революцией на всей идейно-философской и литературной борьбе 90-х—900-х годов. Автор живо воссоздает борьбу Ленина с народниками. Он показывает полную противоположность подхода к действительности народников, которые прямо смотрели в глаза правде жизни, трезво изучали законы развития капитализма в России, упорно готовили народные массы к революционному штурму, к народничеству, «борьбистам» и капитализму истерическим заклинаниями, марксовскими лементами и призывами писателей «спервооспитывать» дулаков и буржуазных хитрючков.

Б. Мейлах раскрывает далее отражение этого исторического спора в литературе того времени — в произведениях Глеба Успенского, Берсая, Барона, Златовратского и др. При этом автор показывает, как народники презирали обилие вопросов, выдвигаемых эпохой, в творчестве различных писателей. Тем самым он опровергает и не нажитое до сих пор у некоторых ученых представление о литературе, как о едином национальном потоке.

Глава «Статьи Ленина о Толстом» — лучшая в книге. Б. Мейлах глубоко раскрывает гениальные ленинские мысли о критических противоречиях Толстого. Итересны сопоставления ленинской концепции со взглядами на Толстого и на русскую литературу Чернышевского. Новые — по привычке историко-литературному материалу — содержательные комментарии дает автор к знаменитой статье Ленина «Партийная организация и партийная литература». Анализируя ту или иную работу, высказывание Ленина о литературе, Б. Мейлах стремится к общению, намечает основные принципы подхода Ленина к литературе. Вместе с автором книги мы вновь перечитываем страницы знаменитых работ, слушаем «набатный ленинский язык», аплин, как Ленин последовательно раскрывается со всеми, кто пытался исканить, оклеветать русскую литературу, использовать ее для борьбы против революции.

Невольно вспоминаются слова И. В. Сталина о «горюем орле, не знающем страха в борьбе», о непримиримой ленинской критике противников партии и революции, о его простом и ясном, сжатом и смелом стиле, — «когда каждая фраза не говорит, а стреляет».

Читая книгу Б. Мейлаха, мы видим, как последовательно проводил Ленин принцип партийности, бдительности в анализе литературных явлений.

«Раз человек партии пришел к убеждению в глубочайшей несправедливости и вражде известной пропаганды, то он обязан выступить против нее», — писал Ленин Горькому.

Когда Горький выступил против враждебной реакционной популяризации «Восвоя» Ф. Достоевского, Ленин выразил ему в письме свое одобрение.

В то же время Ленин прямо и четко указывал Горькому на его ошибки, заблуждения, настоятельно укал его революционной непримиримости.

«Балов же тут «спиритизм» может быть, милый А. М.? — отвечал он Горькому, поймавшемуся было слагать

Радостно видеть, что каждый год все новые и новые имена появляются среди писателей, отмеченных Сталинской премией. Это свидетельство здоровья и неутомимого движения вперед нашей советской литературы.

Среди лауреатов 1947 года — молодой писатель Виктор Авдеев. Он получил премию третьей степени за повесть «Гурты на дорогах». Сюжет этой повести, казалось бы, очень неслезлив. Это рассказ о том, как в дни наступления немецких подчищ животноводческих совхоз «Червоный херсон» был переброшен на украинские степи в донские. Движение гуртов скота по дорогам войны, степь, меняющая свой покров от летнего убабства до первых заморозков, и люди, советские люди, самоотверженно выполняющие свой долг перед Родиной, — показаны в этой повести.

Авдеев нигде не переходит в авторские ремарки и рассуждения, но в самом развитии повествования, в этом неутомимом и успешном продвижении гуртов по украинским степям в донские рождается образ направляющей и организующей воли государства.

Именно поэтому так спокойно и уверенно могут выполнять свой долг «Червоного херсона» свои люди. Зауважана в изображении Авдеева — не панника, не отчаяние, это — осуществление всесторонне продуманных и разработанных планов.

«Гурты на дорогах» — так назвал свою повесть В. Авдеев. Однако мы не случайно озаглавили нашу статью «Люди в степи». Именно люди и составляют предмет пристального внимания молодого писателя. Постановка их в труднейшие обстоятельства, Авдеев правдиво и поэтично показывает крепость и внутреннюю душевную чистоту наших людей, способность их до конца, без остатка отдать се-

бе служению Родине, выполнению долга. Старший зоотехник Вережанин, директор Коубу, совсем еще юная ветфельдшерка Гали Озаренко, один из табунщиков Омелько, старуха-скотица Параска, — все они как бы внутренне расширяются перед нами, пронося свои гурты по дорогам войны. В повести нет ни тени дидактизма или декларативности. Но как превосходно использует Авдеев каждое происшествие и случай, возникающие на пути движения стада, чтобы рассказать о внутреннем мире своих героев, и как высказывает и по-доброму придирает автор к ним. Высокое чувство ответственности за судьбы Родины и личная ответственность каждого за порученное ему дело — вот требования, которые предъявляет писатель своим персонажам. Хмурым и немногословным Вережанин становится подлинным героем повести не потому, что автор решил наделять его такой положительными качествами, а потому, что каждый раз, когда Вережанин что-то решает и что-то делает, мы соглашаемся с ним. Он работает и живет во время войны с максимальной требовательностью к себе. Кривоногий и неказистый на вид табунщик Омелько кажется нам удивительно красивым, когда он отказывается на своей лошади подтягивать за ним немецкого асса, тем самым отдавая его от стада. Старуха Параска, рискуя жизнью, отстаивает движение гуртов, чтобы вывести нового бычка, рождаясь в забронированной лошади, движима тем же чувством высокой личной ответственности каждого в дни величайших испытаний, пережитых народом, Родиной.

В Вережанине, а директоре Коубуе, в Омелько, Параске мы видим подлинную душевную красоту советского человека. А вот Кулибаба — другое дело: если бы не война, может быть, мы и не узнали бы

до конца его настоящую цену. А сейчас мы видим, как едет дорогой войны обыватель, для которого большое благополучие и покой превалируют все. Оказывается, он лишь служил при социализме, а не строил его. И не случайно он со своей рылой женой, брошен стада, исчезает в неизвестном направлении.

И читатель с презрением отвернется от этой фигуры. Он отбросит и потребительскую философию Успенки, уверенного в себе снобизма, который оказывается пашаком, себялюбивым человеком.

Может показаться, что в повести лучшие отношения Вережанина, Гали Озаренко и Успенки — лишь обычный любовный треугольник. Нельзя же, дескать, все про стада. Но это не так. Внимательнее присмотревшись к этой линии, мы увидим, что в здесь вымышленный автор испытывает свою молодую героиню, испытывает с пристрастием, как бы она ему ни нравилась. Ее притягательные находчивость, дерзость и красавица Успенкино смирение в конце пути безразличны к его маленькому и пошлему внутреннему миру. Чувство, возникающее под конец у Галины и Вережанина, основано на восхищении перед большим и принципиальным советским человеком, перед его душевной чистотой и силой. Гали научилась отбрасывать соринки от настоящих людей. Она взрослеет в этом путешествии. Рождается новый советский человек.

Степь, на фоне которой идет повествование, — тоже своеобразное действующее лицо. Пейзажи степи, отнюдь не утихомирившие, органически входят в повесть. Этот фон степи, неторопливо меняющей свои уборы, придает какую-то особую и эстетическую достоверность повести о великом подвиге простых советских людей.

В ГОЛОВЕ КОЛОННЫ

Обычная биография ровесника Октября: Александр Гончар был пионером на Полтавщине, потом стал корреспондентом пионерской газеты, перед войной учился в университете, а в сорок первом добровольцем ушел на фронт, служил в мичманской роте, был ранен в контужен, вернулся в строй, прошел с войсками, как освободитель, по полям и городам Европы. Он делал свою судьбу с Советской Армией, о которой так поэтично сказал во вступлении к первой книге романа: «У справедливых армий судьба всегда красна». В сорок пятом демобилизовался в звании старшего сержанта, вернулся домой на Украину с почетными наградами на груди — орденом Ордена, тремя медалями «За отвагу». Снова пошел в университет — на филолог.

Не знаю, каковы успехи Гончара в области филологии и математики, но, еще славя зачерны на последнем курсе, старший сержант записал первую часть книги, которой суждена большая судьба.

«Знаменосцы» — замечательная книга. В ней не просто собраны впечатления и переживания солдата: герои книги — Хаскиев, Брайский, Багров, Савада, Черныш и другие — по своему своему существу мирные советские люди, с чистой душой и ясным взглядом. Потому они — и хорошие солдаты.

Хаскиев, Багров, Брайский — они уже стали любимыми героями у читателей. Превосходство советского человека над людьми эгоистичного буржуазного Запада видно во всех поступках и словах героев Гончара, находящихся вдали от Родины.

Одна из героев Гончара сравнивает перекос наших войск через Альпы и выход на Дунай с весенним ливнем: «Все после тебя, как после весеннего ливня: и воздух свежий, и земля зеленая...»

Именно такое впечатление производят герои «Знаменосцев», советские воины: от знакомства с ними светлее на душе.

Чудесен образ советского офицера Юрия Брайского — носителя высоких коммунистических идей. Брайский гибнет в Альпах, как с горечью прощается с ним на страницах первой части романа. Но силою художника Гончар делает Юрия Брайского героем и второй части книги: о нем вспоминают, его ставят в пример, он обретает бессмертие в подвигах своих товарищей.

Хоча Хаскиев — рядовой солдат, внутренний мир которого богат и многообразен. Пожалуй, в литературе последних лет это одна из наиболее ярких фигур.

И Брайский, и Хаскиев, и другие «знаменосцы» из романа Гончара — люди нового времени, люди советской эпохи.

Молодой писатель показал свое умение и в создании характеров, и в описаниях природы, и в батальных сценах.

В пути по Альпам и в битне на Дунае героя Гончара неразрывно связывают с Родиной, полны дум о ней, на все окружающее смотрят они глазами Родины, и это расширяет их кругозор, укрепляет их силы.

Роман Гончара глубоко патристичен. Очень важно еще одно обстоятельство: «Знаменосцы» написаны солдатом, — я говорю это не в переносном, а в прямом значении этого слова: рядовым солдатом, дослужившимся до звания старшего сержанта. Его книга отличается глубоким знанием жизни, в ней образы пережитого, а не просто наблюдаемого. Да, «Знаменосцы» Гончара — книга «былого человека». Но вместе с тем это книга талантливого, страстного писателя, умеющего видеть и глубоко осмысливать мир.

В манере Гончара есть любопытное свойство — он легко переходит от лирических описаний природы или батальных сцен к прямой, почти газетной публицистике. Публицистика и лирика в книге неразрывно связаны.

Гончар жаждет и трудолюбив. Ему есть что сказать, и если уж он поднял руку на необозримом собрании своих читателей, он хочет говорить с ними долго, интересно, страстным языком советского человека.

Гончар написал уже новую книгу «Земля гудит» — о комсомольском подполье на Полтавщине. Эта вторая большая вещь, писателя с трехлетним перерывом — серьезное испытание для него. Мы прочитаем пока лишь часть новой книги Гончара, но ее уже хочется читать.

К сожалению, мне пока удалось узнать Гончара лишь по переводам. Но и перевод свидетельствует: Гончар пишет boldly и сочным языком. На последних поэтических дискуссионках высказывалась мысль о том, что проза влияет на поэзию и входит в поэзию свои законы. Не углубляясь в этот спор, позволю себе высказать обратное предположение: не влияет ли поэзия на прозу в едином моностроительном потоке советской литературы?

«Знаменосцы» Александра Гончара — произведение поэтическое от первой до последней страницы. Столь же поэтичны многие произведения прозы, удостоенные Сталинской премии за 1947 год, — «Счастье» Павленко, «Кружничка» Пановой, «Звезда» Казакевича, очерки Галица, книга Михайлова.

Поэтичность, большинство страстность, глубина знания жизни и интересов народа — вот главные черты литературы эпохи социализма. Все больше познается язык-знаменосцев великих идей нашего времени, и мы с радостью хотим повторить за коммунистом из романа Александра Гончара: «Знаменосцы, в голову колонны!»

В. ИЛЬЕНКОВ

ВЕРА В НАРОД

Одна из героев романа Ф. Панферова «Борьба за мир» старый мастер Иван Кузьмич Замытнев — «долгую и ползатик» — говорит сыну, инженеру Василию, провозглашая его на фронт: «Ступай! И везде пойдешь, как в родном доме. Тебе дала, вот об этом — самом главном — крепко помнит все герои романа Федора Панферова: о советской власти, давшей людям жизнь и счастье. Василия Замытнева она сделала инженером. Мужика Саволобова поставила во главе колхоза, научила разумно жить, подняла его сознание на такую высоту, на которую ее может подняться даже французский академик, превративший из «культуры» Европы...»

«...полненький такой, лыбчатый, в моих глазах, по названию Шарль, по фамилии, не помню... Все вынытаю у него, как и что. Рассказывает охотно и тоже любовно на меня поглядывает. А потом и спроси: «Во имя чего?.. Петр Макарович, работайте и живите?.. Опирались!.. Во имя чего? Я, конечно, подумал и говорю на высокой ноте: «Работать я, товарищ Шарль, во имя просветления мира. А живу? Живу для себя. А вы как изволили думать на это? Ну, переключите — ему, тот через переводчика — мне: «Живу я, слышишь, и работаю во имя всевышнего. Я, знаешь-ка от него аж вот так отключился и думаю: «Э-э-э! Малы! У нас пионеры дальше тебя на солнышко лет убежали. Экая ржа у тебя в голове!»

Вот что сделала советская власть с мужиком Саволобовым, в прошлом мелким собственником, который боялся бога, и чорта, и василия, и урядника, и барина, и царя, и жид, а мучился на земле. И этот бывший мужик Саволобов, ставший солдатом Советской Армии, замешает свою Родину, не шая своей жизнью, потому что знает: не будет советской власти — не будет и жизни. Он хочет за то, чтобы на земле не было больше скверны.

«Карл Маркс еще говорил про нее, про скверну на земле. Мы ее со своей землей сократили, скверну. А фашисты ее опять на нашу землю потащили...»

В образе солдата Саволобова, созданном Федором Панферовым, показан наш советский человек, поднявшийся на защиту своей родной земли от скверны фашизма, его нравственный сил, воспитанный стремлением социализма.

Начальник политотдела армии Трофимов обещает перед сражением войска и думает с беспокойством: «Проготовлена ли душа бойца в этому решающему бою? Да, протготовлена. И не только теми агитаторами, которых он, начальник политотдела, разослал по все полям и роты. Душа бойца протготовлена к решительному сражению за Родину всем социалистическим указом жизни.

У героя романа «Бруски», мятущегося середняка Никиты Гурьянова, было две души: одна душа тянула назад, в мир частной собственности; другая душа — душа труженика — вела его вперед, к социализму. У Саволобова чужья душа советского человека. Его уже никак Муравьев не соблазнил, ибо он знает, что дома ему лучше, — дома, в своей советской стране, в своем колхозе, на своем заводе, он — хозяин, он — человек!

В романе «Борьба за мир» показана та непреодолимая сила социалистического строя, которая сделала необходимым наш советский народ. Спервой же минутой, как только грозная опасность нависла над Родиной, все советские люди сплотились вокруг Сталина. Вот они в жестокий ураган выгнутах стаки на далеком фронте, обняв руки и раскалились морозом негата, живут в холодном бараке... Но нужно еще больше моторов для самолетов и танков, нужно их дать как можно скорее. Ночью на далеком уральском заводе раздается звонок телефона — говорит Сталин: — Передайте товарищам, что... я очень прошу помочь стране. Очень прошу...»

И люди откликнулись на эти призывы. Они работали по несколько часов подряд, не отходя от станков. Просьба товарища Сталина была выполнена — фронт получил четыреста моторов сверх программы.

Федор Панферов показал трудовой героизм советских людей, преодолевших неслыханные трудности войны. Директор завода Николай Короблев, инженер, большевик, умеет организовать труд огромного и пестрого коллектива, поднимает людей на борьбу за победу, потому что в каждом из них он видит такого же хозяина завода, как и он, и эту хозяйскую заботу о заводе он пробуждает в каждом человеке.

В романе «Борьба за мир» Федор Панферов утверждает нравственное превосходство людей социалистического советского общества над людьми старого мира. Однако наряду с передовыми людьми он показывает и тех, кто в минуту грозной опасности думал не о Родине, а о своем благополучии, как Едренкин, и тех, кто «болен хворью выжогого поста», как Гусев, и тех, кто кичился своими старыми заслугами, как Сосновский, который некогда первый объявил советскую власть на Поволжье, и тех, кто, подобно Макару Рукавишникову, сидит не на своем стуле...»

Но сила нашего социалистического общества состоит в том, что даже эти Сосновские и Рукавишниковы втягиваются в живое дело строительства новой жизни — в то дело, которое влекут вперед предельные родные Борбалева и Иваны Кузьмичи, инженер, мечтатель Иван Иванович Казаринов и бывший старатель Звенкич, жертвующий золотой песком на добровольческий танковый корпус, генерал-лейтенант Горбунин и солдат Саволобов, крестьянин Ермолай Агапов, который «первые стал гражданином чистейшего государства», в кучер савоха Савелий Раков, пожелавший немцев в кабю и сам гибнущий самоотверженно в огне своей мести.

«Скажу о нем было, — говорит Ермолай Агапов: — жене не верил, детям не верил, друзьям не верил, а в народ всегда верил». Вот этот неполобный верой в советский народ проникает роман Ф. Панферова, и в этом главное достоинство романа. Книга не лишена недостатков. Они есть. О них справедливо говорилось критика.

Однако эти недостатки не снижают основного достоинства книги, в которой автор отразил героический подвиг народа-труженика, народа-победителя.

С. ЛИПКИН

Шаг в будущее

В тот год, когда весте об Октябрьской революции поднимала и возмущала заграничные в жарких песках туркменские аулы; когда вся Средняя Азия была оторвана от революционных центров России казачьими частями Дутова; когда буржуазные националисты из «кокалской автономии», закаспийские асеры и белогвардейцы, феодалы разбойничьих ханств вроде пресловутого Джунга-хана, многочисленные банды строили козни и заговоры против молодой, еще не окрепшей советской власти, — в это время в маленьком городе Теджене появился странный человек.

Черная папаша с длинными завитками, желтоватая рубашка, поверх нее хитрый шелковый халат, молочного цвета штаны и коричневые сапоги — народ был явно туркменским, но облик незнакомца не подходил к туркменским.

Чтобы узнать, кто был этот человек, нам придется заглянуть в доклад английского генерал-майора сэра В. Маллсона: «Британская военная миссия в Туркестане в 1918—1920 гг.». Вот что пишет генерал-майор на 17-й странице документа: «У меня было несколько прекраснейших офицеров, говоривших на нескольких языках, были агенты на расстоянии тысячи и более миль, даже в правительственных учреждениях большевиков; был контингент людей, постоянно разбегавших по местам, которые я считал важными...»

Одним из таких агентов сэра Маллсона был незнакомец, появившийся в ставке бакинского главаря Зюзи-хана. Действительно этих бакинцев направляла опытная рука матерого империалиста, мастера разжигания национальной розни.

Бандит Зюзи-хан был врагом хитрым и опасным. Он выдал себя за ратоборца правды и справедливости. Честолюбивый авантюрист, мечтавший стать самодержавным владыкой Туркменистана, он обманывал народ, учил его к использованию малейших промахов советных, засорял их меньшевиками и асерами. Он пошел даже на то, чтобы отобрать хлеб у баев и раздать его голодающим беднякам. Так сумел он обмануть и привлечь на свою сторону многих бедняков «с ясным сердцем, но темным разумом».

Среди этих обманутых бедняков был и Артык — герой романа Берды Кербабаева «Решающий шаг».

Роман написан уверенной рукой. Писатель, что эта уверенность возникла у автора не потому, что ему удалось придушить занимательную фабулу, — наоборот, сюжет романа чрезвычайно прост; и не потому, что автору удалось украсить свой страстный словесный пейзаж, — наоборот, язык Берды Кербабаева большей частью строг, скуп, сдержан. Эта уверенность возникла потому, что автор выстрадал свою тему, он убежден, что читатель не может не возмущаться тем, что глубоко возмущало душу писателя, — и эту убежденность, это волнение мы испытываем вместе с автором. Нам увлекают и картины великой социалистической революции в знойных степях Закаспия, и полные горечи и юмора картины быта старого туркменского аула, и яркая ткань пейзажа, и судьбы простых людей, ставших нам близкими.

Юноша Артык и девушка Айна полюбили друг друга. Но первый богач из аула, бай Халмаз, решает сделать Айну женой своего туземного сына Баллы. Так Халмаз впервые становится на дороге Артыка. Их борьба то затихает, то разгорается.

Наступает 1916 год. В Европе — война. Парское правительство против туркмен на тыловые работы. Недовольство зреет, туркмены понимают, что встанут. Под влиянием своего друга, большевика Ивана Чернышева, рабочий-железнодорожник, Артык становится участником восстания.

В стихийном восстании соединяются разные борющиеся слои: тут и бедноты.

тут и буржуазные националисты, тут и типа Зюзи-хана любитель подловить рыбу в мутной воде.

Националисты терпят поражение. Артык попадает в тюрьму, из которой его освобождает русские рабочие, освобождающие Октябрьской революцией. Иван Чернышев избирает председателем Совета рабочих депутатов в Теджене. Но Артык идет не к своему другу, не к Чернышеву, не к краснотуркменам, — он идет в Зюзи-хану, и на глазах его появляются зеленые погоны с лавой и звездами.

Умно и тонко показывает Кербабаев, как постепенно сама жизнь снимает с глаз Артыка и его товарищей националистическую пелену и открывает их глазам свет большевистской правды. На собственном опыте убеждаются бедняк-туркмен в правоте замечательных слов товарища Сталина: «Борьба окранных «правительств» была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс...»

Артык с ужасом видит, до какой нравственной бездны дошел его близость к Зюзи-хану, изменнику и врагу народного дела, и он покидает его отряд и бежит в родной аул. Была минута, когда Артык, подобно шолоховскому Григорию Мелехову, хотел найти спасение в бегстве от событий в семье, в любви, в древнем труде земледельца. Но события революции так величавы, исполнены такой призывной мощи, что Артык не в силах бежать от них, и он находит свое место в рядах Красной Армии.

Хорошо описан Берды Кербабаевым приезд к боям Закаспийского фронта сталинского посланца — члена Туркбюро ЦК РКП(б) Валерия Кудышова.

«Приподнявшись на стремена, Артык скомандовал: — Показ, смирно!

Кудышов посмотрел на фронт полка, на туркменов в больших папашах, на ахал-текинских коней. Артык поехал с рапортом...»

Валерий Владимирович беседовал просто, как знакомый человек, называя по имени командира и комиссара. Окружающие невольно улыбались его душкам. По-мощи в его большие глаза, Артык поднимал в них слезу и широту...»

«При его помощи такие действа, как я, тоже сделаются людьми», — решила Артык...»

По этому отрывку читатель может судить о стиле романа — спокойном, ясном, рожденном под влиянием русской прозы. Строго реалистическая манера сочетается с фольклорными речевыми узорами — это придает книге своеобразную поэтическую прелесть.

Символического значения полна одна из заключительных сцен романа. Красная Армия победила. Полк Артыка дошел до Аму-Дарьи. С изумлением глядит Артык, упрямый бездольный степи, на полноводную реку. Там, в его ауле, из-за маленького, еле журчащего ручейка проливают ежегодные убытки. А здесь — столько воды! И Артык слышит слова Ивана Чернышева: «Чтобы провести воду Аму-Дарьи по степям Туркменистана, надо рыть каналы и сооружать плотины.

— А у кого хватит на это сил? — У советской власти хватит».

Да, хватало у советской власти сил! Она помогла туркменскому народу сделать решающий шаг в будущее, к социализму, и вот теперь народ увидел, как аму-дарьинские воды сбегутся в Кара-Кумы. Поселенная пятилетка ознаменует сооружением Большого Кара-Кумского канала. Аму-Дарья повернет водою народ в сторону Каспия, к землям Туркмени.

Шестие коммуниста победоносны. Мы видим, как дышала Великая Октябрьская революция в соединении в одно целое кочевые племена туркменского народа. Роман Кербабаева — большой успех молодой туркменской прозы и успех всей нашей советской литературы.

П. И. Лебедев-Полянский

4 апреля после длительной болезни умер Павел Иванович Лебедев-Полянский — один из виднейших и активнейших деятелей советского литературоведения.

П. И. Лебедев-Полянский член ВКП(б) с 1908 года, родился в 1882 году в с. Мельники (ныне Владимирской губернии). Он был подвергнут арестам и предосторожностям. В 1907 году П. И. Лебедев-Полянский бежал на Нижегородскую территорию и вынужден был эмигрировать. Занимаясь литературным делом, он вернулся на родину, чтобы принять участие в строительстве новой, советской России. П. И. Лебедев-Полянский был назначен заместителем заведующего литературно-издательского отдела Наркомпроса. П. И. Лебедев-Полянский активно работал по изданию и распространению произведений русских классиков. В последние годы жизни он был главным редактором академического издания сочинений Пушкина, Гоголя, Бердяева, Добролюбова, Чернышевского.

Академик П. И. Лебедев-Полянский один из первых начал разработку классического наследия революционных деятелей. Его книга «Литературное творчество Чернышевского» — большой материал, показывающий богатство наследия революционных деятелей, неразрывно связанного с эстетической деятельностью с борьбой за переустройство общества. Разоблачая представителей буржуазной теории искусства за искусство, П. И. Лебедев-Полянский неустанно боролся за партийность литературы.

В последние годы Лебедев-Полянский был избран в академию, являлся заместителем академика-секретаря отделения литературы и языка Академии наук СССР и руководителем Института литературы Акаде-

ПОДВИГ ТРУДА

Л. СКОРИНО

Творческий путь Мариэтты Сергеевны Шагинян — это путь неутомимого, упорного, напряженного труда. «Профессиональную работу, печатание и диктовку с 15 лет, — говорит писательница, — и горжусь тем, что начала свою трудовую биографию в том же возрасте, в каком ее начинает большая часть производителей «художественных работ». Высокое чувство ответственности, представление о труде как о долге не только перед собой, но и перед обществом — черты, определяющие творческий облик советской писательницы.

Первые шаги в литературе М. Шагинян делает, находясь под прямым влиянием символизма. Но стремление к «настоящему делу», поиски философии, которая являлась бы «программой действия», творила бы жизнь, помогают М. Шагинян разглядеть истинную суть ее эстетских «наставников», их реакционность, прикрытую «декадентской гурманделей».

В романе «Своя судьба» (опубликованном в 1918 г.) писательница показала узкий, замкнутый мирок — ту психо-логическую и идейную атмосферу, в которой накануне революции жило большинство русских интеллигентов.

Этот роман был написан в 1916 году, а сень еще спустя Мариэтта Шагинян рассказала о том, как раскололся интеллигент на два лагеря и как лучше ее часть пришла в большевикам, — тогда за тем, что олицетворяет собой светлое, творческое начало истории.

«Музыка, музыка, музыка пройдет по всем улицам мира, с барабанами, отбывающими Перемесу».

Трам-тар-тарам, просыпайтесь! Зорю утреннюю мы играем тебе, Человечество!»

И самый роман назывался «Перемена». Героическая романтика коренного переустройства жизни захватывала писательницу, потянувшись мощью и величием начавшихся перемен. Революция открыла перед Шагинян необятные жизненные просторы, «мир в движении».

Несмотря на то, что роман еще носил на себе следы старых символистских увлечений писательницы, «Перемена» была решительным прощанием с тем коммунитарным буржуазно-интеллигентским мирком идей и привязанностей, в котором жила М. Шагинян до революции, вместе с героями «Своей судьбы».

В новом романе М. Шагинян обращается к изображению широких исторических процессов. «Перемена» — это был о гражданской войне на Дону, написанный, как свидетельствует автор, «по свежим следам пережитого, по дневнику и газетам». Здесь ярковыразительные, а не условные события, настоящие живые люди, их мысли, страсти, их реальные судьбы.

Герои М. Шагинян — свидетели и участники великих событий. Она видит гибель старого, гнусного мира, убеждает в истинности его попыток возродиться с помощью замены, белого террора, интервенции.

«Перемена» заняла прочное место в советской литературе, как одна из первых, талантливых книг, рассказавших о сложном поэтически волнующем о радости прощания с ненавистным старым миром, о счастье встречи с новым миром.

В послеоктябрьских произведениях писательницы возникает образ интеллигента, поэта новой правды, нового гуманизма — гуманизма революции. Этот герой сменяет безвольных, уплывающих индивидуальностей ранней М. Шагинян. Этот новый герой, порвав с буржуазией, отбросил свое жалкое прошлое. Такова молодость в романе «Перемена». Близка к ней и Айана Зворыкина («Приключения дачи из общества», 1923 год), которая сделала решительный выбор между «пошлой под реальной жизнью» и самой жизнью.

Познавая создаваемый большевиками новый мир в движении, законы, им управляющие, — такова теперь творческая задача М. Шагинян. Писательница ищет новые формы искусства. Она экспериментирует. Так возникли авантюристско-детективный роман «Месс-Мед» (1924) и роман «Ник» (1929). Но живую реальность невозможно воплотить в условной форме. Тут впервые в процессе творчества, — писала Шагинян в статье о социалистическом реализме, — я поняла, что отношение к действительности диктует нам и выбор художественного оружия, оружия художественного производства.

Связь с жизнью, изучение ее путем прямого вмешательства в эту жизнь Шагинян облекает одним из основных принципов своей творческой работы. Уже в 1920 году она заносит в дневник: «Восемь месяцев не писала дневник. За это время совершенно отошла от литературы (своей и чужой) и по горло погружалась в жизнь».

В двадцатых годах начинается цикл путешествий Мариэтты Сергеевны по не-

обозримым просторам советской страны. С мандатом от газеты «Правда» писательница отправляется в Закавказье. Она наблюдает бурный рост закавказских республик, изучает те новые процессы, которые возникают в экономике и быту, в сознании людей. Шагинян ведет дневники, документальные записки, пишет многочисленные очерки, стремится не пропустить ни одной хотя бы мельчайшей черты новой эпохи, стремится записать в слово все те изменения, свидетелем которых она является. Стать «летописцем современности», раскрыть все своеобразие нового времени, дать целостный охват явлений, обобщив основные тенденции развития советского общества, — такова та увлекательная задача, которой М. Шагинян подчиняет свои путешествия. Так возникает ее проблемная публицистика, объединенная под названием «Советское Закавказье» («Роман угля и железа», «Путешествие в мир хозяйственных проблем» и др.).

В поездках рождается замысел нового романа. В 1927 году Шагинян участвует в новостройке и участвует в создании гидроэлектростанции Дзержинского в Армении. Писательница была здесь «не в качестве гостя, а хозяйки», так же как и «каждый участник строительства, самый рядовой работник». «Я участвовала в земляных работах, в работах по прокладке шпал, изучала рабочие чертежи, транспортную историю проекта, делала геологические экскурсии и, наконец, включилась в борьбу строителя за оборудование». Шагинян изучает свой материал «изнутри», и только полностью овладев им, берется за первую книгу.

«Гидроцентр» (1930) — роман философский, а не только производственный. Герои его — советские люди — выступают в своеобразной их нового оттопления в действительности. Они воплощают в себе творческое, созидательное начало. В своей практической деятельности, в делах и больших делах они поэтичны и возвышены, ибо переосоздают мир не только материально, внешне, но и устанавливая новые нормы человеческих отношений, утверждая новые духовные ценности. Таковы пожилая учительница Ануш Малхазян, романтик и философ Арно Аревян, партийный работник Марджан.

Новый цикл путешествий начинается М. Шагинян в годы Великой Отечественной войны, когда она едет на Урал, в Сибирь, на Алтай, где продолжает трудиться над своей «летописью современности». Перед самой войной писательница закончила две капитальные работы: перевод поэмы азербайджанского классика XII века Низами «Сокровищница тайн» и исследование о Шевченко, которое принесло ей в 1944 году звание доктора филологических наук. В годы войны Шагинян вновь обращается к публицистике. Она пишет новые пьесы, очерки, представляющие своеобразный лирико-философский дневник современника великих событий. В 1942—1943 гг. печатается «Урал в обороне». В послевоенный период Шагинян выпускает «Письма к Закавказью» (1945), «Дела и люди Армении» (1946) и в 1947 году, путешествуя по новостройкам Урала, Казахстана, Сибири, начинает публиковать очерки о восстановлении и новом покое народного хозяйства социалистической страны — «По дорогам пятилетки».

Лафос грандиозных масштабов строительства, героизма труда — основное в новых книгах Шагинян. Она оживает, социалистический труд — умный, упорный, настойчивый, перспективный труд, пропитанный чувством будущего, ясным сознанием цели.

Это определенно и своеобразно ее писательского облика. М. Шагинян всегда действует, как исследователь, но исследователя особого типа, для которого «первоисточником» является сама жизнь. Как, предпринимая изучение жизни и творчества Шевченко, величайшего поэта Украины XIX века, М. Шагинян «издала» все места, где только ступала его нога, побывав на родине поэта — Украине и повторив его путь по этапам ссылки к Аральскому морю. Писательницу можно встретить на склонах Закавказских гор, взбирающейся к потухшему кратеру вулкана не из туристского любопытства, а чтобы решить вопрос о местном строительном материале — армянском туфе, которому будет затем посвящен цикл очерков «Восхождение на Алагуз». В годы послевоенной пятилетки она облетела новые, растущие по великому плану города, по маршрутам вновь проложенных дорог.

Творчество М. Шагинян неразрывно связано с жизнью нашей страны, с величайшим трудом советских людей. Действительность самой писательницы, неутомимого исследователя и путешественника, представляет собой подлинный трудовой подвиг.

НА ТВОРЧЕСКОМ ВЕЧЕРЕ М. С. ШАГИНЯН

Вчера писатели Москвы собрались в Центральном доме литераторов, чтобы приветствовать Мариэтту Сергеевну Шагинян в день ее 60-летия.

Н. Тихонов, открывший вечер, горячо поздравил М. Шагинян от имени президиума Союза советских писателей СССР. Ф. Панферов, Д. Заславский, А. Софронов, академики Л. Д. Шевяков, В. Кирпичников, В. Шкловский, А. Караваев, Л. Сейфуллин, Л. Скорин и другие в своих речах охарактеризовали М. Шагинян как писателя-коммуниста, всем своим талантом, знаниями и вдохновением, неутомимым трудом служащего интересам советского народа.

Академик В. Н. Образцов приветствовал писательницу от имени советских железнодорожников.

Проф. И. Рознов поделился воспоминаниями о том времени, когда М. Шагинян училась в гимназии, где он преподавал русскую литературу, и в заключение преподнес писательнице хранившиеся у него 45 лет ее классное сочинение.

С приветствиями М. Шагинян выступили также представители ЦК ВЛКСМ, московских издателей, журналов, газет, Государственного литературного музея и других учреждений столицы.

В ответном рече Мариэтта Шагинян горячо благодарила партию Ленина — Сталина, воспитавшую советских писателей-большевиков, а научившую их работать на будущее, отдавая все свои силы на благо любимой Родины.

Гласный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.